

Рекомендация для цитирования:

Рыжакова С. И. Этнонациональные портреты Индии. Обзор книг // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 3 (43). С. 235–250.

For citations:

Ryzhakova, S.I. (2025) "Ethnonational portraits of India. Books review", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3 (43): 235–250.

Поступила в редакцию: 31.05.2025;
принята в печать: 10.09.2025.

Received: 31.05.2025; Accepted for publication: 10.09.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

Этнонациональные портреты Индии

Обзор книг: Chakravarti, S. (2017) *The Bengalis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 457 p.; Barooah Pisharoty, S. (2023) *The Assamese: A Portrait of a Community*. New Delhi, India, Aleph Book Company. 454 p.; Tripathi, S. (2024) *The Gujaratis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 730 p.; Lakshman, N. (2025) *The Tamils. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 442 p.

СВЕТЛАНА И. РЫЖАКОВА

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия).
sryzhakova@gmail.com

ORCID: 0000–0002–8707–3231

Ethnonational Portraits of India

Books review: Chakravarti, S. (2017) *The Bengalis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 457 p.; Barooah Pisharoty, S. (2023) *The Assamese: A Portrait of a Community*. New Delhi, India, Aleph Book Company. 454 p.; Tripathi, S. (2024) *The Gujaratis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 730 p.; Lakshman, N. (2025) *The Tamils. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. 442 p.

SVETLANA I. RYZHAKOVA

N.N. Miklukho-Maklai Institute of
Ethnology and Anthropology, Russian
Academy of Science (Moscow,
Russia). sryzhakova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8707-3231

Национальные образы мира — одна из интереснейших областей этнографии, пересекающаяся с исследованием культур и географических ареалов, историей, психологией, социологией. Пожалуй, самой знаменитой здесь стала классическая работа Рут Бенедикт «Хризантема и меч» (1946)⁴; ее публикация открыла широкую дискуссию как о природе (этно-)национального характера, так и об особенностях его анализа. В ряде случаев изучение национальных образов проходит на широкой источниковой основе и оказывается результатом длительных научных изысканий; таковы, например, работы этнолога А.С. Мыльников⁵ — подробный и деталь-

ный историко-этнологический анализ взаимных образов народов Восточной Европы и балтийского пространства. Здесь хорошо показаны как субъективность и условность представлений и впечатлений одних народов в отношении других, так и устойчивость этих представлений, многие из которых основаны на объективной реальности. При этом совокупность подмеченных и выделенных черт, как правило, оказывается чем-то вроде картины импрессионистов.

К этой теме обращаются не только этнографы и исследователи культуры, но и писатели и журналисты. Так, в 1970–1980-е годы в СССР были чрезвычайно популярны заметки и рассказы журналиста-международника Всеволода Овчинникова, в частности и «Ветка сакуры. Рассказ о том,

из Восточной Европы. Представление об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. EDN: ZTMSSH

⁴ См.: Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.

⁵ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996; Он же. Картина славянского мира: взгляд

что за люди японцы» (1970 г.), и «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах» (1980 г.)⁶. В легкой, увлекательной манере он излагал некоторые примечательные черты соответственно британской и японской национальных культур и характеров, основываясь на своем богатом опыте работы в Великобритании и Японии; в других своих книгах В. Овчинников обратил и к образу тибетцев, да и других народов, некоторые из которых относительно мало были тогда известны советскому читателю. В ином духе написаны размышления в жанре научно-художественной прозы Георгия Гачева «Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии)». Отталкиваясь от прочитанного в литературе, автор углубляется в собственные мысли и рассуждает о них; взгляд же на иное общество и культуру становится своего рода катализатором внутреннего субъективного мыслительного процесса⁷. Есть и иначе построенные исследования. Так, разбору национальной идентичности англичан посвя-

щено множество работ, среди которых наиболее известны научно-публицистические труды Кейт Фокс⁸ и Джереми Паксмана⁹, книга Джона Хупера анализирует образы итальянцев¹⁰. Среди отечественных исследований нужно отметить замечательные труды востоковедов и переводчиков классических трудов — Владимира Малявина, чьи работы посвящены культуре китайцев¹¹ (в частности, Малявин 2019); Владимира Мещерякова, с разных сторон рассмотревшего культуру японцев¹²; Андрея Ланькова, обращающегося к подробному исследованию самобытности корейцев¹³.

Индийское издательство Aleph Book на протяжении уже восьми лет издает замечательную серию книг под общим заглавием «Портрет сообщества»

⁶ См. одно из переизданий: Овчинников В. В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел. М.: АСТ, 2011.

⁷ Гачев Г. Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1993.

⁸ Fox, K. (2004) *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton.

⁹ Paxman, J. (2007) *The English*. London: Penguin.

¹⁰ Hooper, J. (2016) *The Italians*. London: Penguin Books.

¹¹ Малявин В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: АСТ, 2019.

¹² См.: Мещеряков В. Н. Terra Nipponica. Среда обитания и среда воображения. М.: Лингвистика, 2022; Он же. Статья японцем. Топография тела и его приключения. М.: Лингвистика, 2024.

¹³ См.: Ланьков А. Н. Быть корейцем... М.: АСТ, 2006.

(*A Portrait of a Community*). Эти монографии написаны разными авторами — в основном писателями и журналистами, имеющими широкий культурный кругозор, глубокие знания и великолепную эрудицию, — и посвящены крупным народам Индии. Уже вышли книги о бенгальцах, ассамцах, гуджаратцах, тамилах; очевидно, на очереди и другие. Помимо многочисленных, многомиллионных народов, представлены и менее известные, но не менее значимые сообщества Индии, например англо-индийцы прекрасно представлены в книге Бэрри О’Брайана¹⁴.

Каждое из повествований в большей или меньшей степени индивидуализировано и, как представляется, само может служить любопытным антропологическим источником. Дело в том, что каждый из авторов принадлежит описываемому народу и, таким образом, как бы несет в себе его «культурный код», однако каждый при этом в силу жизненных обстоятельств имеет опреде-

ленную дистанцию, позволяющую увидеть свой народ как бы со стороны. Личные истории особенно хорошо представлены в работах Салила Трипатхи и Судипа Чакраварти. Так, Салил Трипатхи родился в городе, некогда называвшемся Бомбеем, получил образование в США и живет в настоящее время в Нью-Йорке. Он известный журналист, работал иностранным корреспондентом в Юго-Восточной Азии; одна из важных тем его исследования — это права человека в Африке, Восточной Европе и Латинской Америке. Салил вырос в семье чрезвычайно свободомыслящих, либеральных брахманов; примечательно, что одним из его родственников был член гандийского движения Индулал Ягник, лидер профсоюзов и основатель движения Махагуджарат. Себя же как гуджаратца Салил характеризует как «внешнего наблюдателя, смотрящего внутрь, и одновременно инсайдера, смотрящего наружу» — с этого начинается и этим завершается его сочинение.

Нужно отметить хороший язык и стиль всех книг этой серии: тексты чрезвычайно увлекательны, легко читаются, при этом — глубоки и насыщены отсылками к разнообразным источникам и исследовани-

¹⁴ O’Brien, B. (2022) *The Anglo-Indians: A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company. См. рецензию: Судорова С. Е. [Рец.]: O’Brien Barry. *The Anglo-Indians. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph, 2022. 538 p. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2023. № 4. С. 145–155.

ям, к научной и художественной литературе, публицистике, к личным наблюдениям авторов. Объединены, проанализированы и пропущены сквозь сознание авторов множество граней, с разных сторон характеризующих народы и региональные культуры Индии. Каждая книга выстраивается на основе своей модели описания и имеет свою структуру. Эти книги предполагают медленное и долгое чтение.

Книга «Гуджаратцы» Салила Трипатхи¹⁵ выстроена вокруг чрезвычайно тонко и аккуратно очерченного социального, культурного и исторического профиля этого крупного народа (около 55 млн человек в Индии и около 6 млн за пределами страны говорят на языке гуджарати и могут быть отнесены к этому этнонациональному сообществу), проживающего как в штате Гуджарат, так и далеко за его пределами. Небольшой пролог в яркой, образной манере вводит читателя в ткань этой культуры. Стереотипы, сложившиеся вокруг гуджаратцев, называемых в просторечии *гудджу*, как кажется, лежат на поверхности: это дружелюбие, коммуникабельность и гостеприимство,

деньги и бизнес; *гарба* — социальный коллективный танец, исполнением которого знаменуются все праздники; для многих семей — вегетарианство (впрочем, не мешающее многим тайно поедать омлеты и даже кебабы в уличных лавках); наконец, привычка добавлять сахар во всякое блюдо. Но чтобы понять более глубокие и сущностные черты и разобраться в особенностях истории и характера народа, автор приглашает читателя последовать за ним в своеобразное путешествие.

Основной текст книги разделен на 12 частей — символическое число, возможно, намекающее на членение года на месяцы. В первой, озаглавленной «Кто мы», автор излагает свою личную историю, которая хорошо демонстрирует как грани, разделяющие соседствующие народы и отдельные группы в их составе, так и множество связующих линий. В частности, это бенгалофилия, характерная для многих гуджаратцев и, в частности, родителей Салила: автор отмечает, что даже его имя (а он был назван в честь бенгальского певца Салила Чоудхури) типично скорее для бенгальцев, которые сразу опознают его («ага, Шолил!»), в то время как проигнорированное в других ареалах

¹⁵ Tripathi, S. (2024) *The Gujaratis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.

Индии, в том числе и в Гуджарате, оно может быть ошибочно услышано как мусульманское имя «Салим». Другие приводимые в книге признаки близости гуджаратцев и бенгальцев также свидетельствуют о типологическом сходстве, своеобразном подобию и взаимной симпатии этих народов.

Для описания этнической идентичности нужно выявить существующие в языке ключевые термины, которые свидетельствовали бы о некой единой картине мира, включающей этическую и эстетическую ценности. Автор обращается к понятию *асмита* («идентичность», «внутренняя сущность», «основа существования», по сути, «достоинство») и выявляет те источники, в которых оно появляется и формулируется; прежде всего это писатель Канаялал Мунши.

Один из главных этнокультурных стереотипов в отношении гуджаратцев, разумеется, это представление об их практичности и прагматичности. «Ты пишешь книгу о гуджаратцах? Значит, речь пойдет о деньгах?» — спросила автора одна приятельница. Действительно, значительная часть населения Гуджарата, а также и гуджаратцев Бомбея (Мумбаи) занята тем или иным бизнесом и торговлей. Широко

известны такие индустриальные дома, как Тата, Reliance, Wipro, они основаны гуджаратцами. Гуджаратцы (и в основном джайны) заняты в алмазном бизнесе (сосредоточенном в Сурате), в текстильной сфере, в области атомной энергетики. Широчайшая диаспора гуджаратцев связана с плантациями сахарного тростника в Уганде, основала торговлю гвоздикой и другими пряностями в Занзибаре, алмазный бизнес в Антверпене, руководила обменом валют в Дубаи. Торговые группы гуджаратцев были заняты и в опиумной торговле с Китаем и работорговле в Африке. Добавим: именно торговое сообщество гуджаратцев сложилось в Астрахани в XVIII веке, где существовало примерно на протяжении столетия. Наряду с бизнесом, политика также занимает существенную долю в традиционных занятиях гуджаратцев — Салил Трипатхи обращается к фигурам столь известных и различных политических деятелей, как М.К. Ганди, Валлабххай Пател и Мохаммад Али Джина.

Совокупность качеств национального характера часто несет в себе противоречия, и к этой особенности Салил Трипатхи обращается на страницах своей книги весьма при-

стально. Так, он рассматривает соседство традиций гостеприимства и расчетливости гуджаратцев, их меркантильность при любви к тратам денег (сопоставляя это с привычками другого известного торгового сообщества, марварии). Широко распространенные представления о добропорядочности, набожности гуджаратцев, укорененная в их культуре идея ненасилия, особенно ясно выраженная в этике джайнов, практика вегетарианства (хотя автор признается в его нередком, хотя и неафишируемом нарушении) соседствуют с различными зафиксированными видами насилия, осуществляемого как на регулярной основе (в частности, инфантицид в отношении младенцев женского пола), так и в виде спорадических политических эксцессов. Автор анализирует печально известные погромы 2002 года (используя именно этот русский термин, вошедший в английский язык, *rogrom*), отраженные, в частности, в фильме Нандиты Дас «Фирак».

Вторая часть книги озаглавлена *The way we are*, что можно перевести как «Каким образом мы существуем»; она состоит из описания нескольких групп, входящих в число гуджаратцев. Ключевым понятием здесь оказывается по-

нятие «мы»: автор находится на позиции средних и высоких каст и классов в обществе, в целом сохраняющем иерархичность. «Богатые как мы: бхатия, каполы, лохана»: этот раздел описывает три торговые сообщества Гуджарата, расселившиеся в разных странах мира. Подразделы «Богаче нас: джайны» и «Мы любим их и надеемся, они любят нас: парсы» повествуют о группах вроде бы «иных», однако на деле тоже гуджаратцах, составивших честь и славу Индии в целом. «Патели: это мы» — этот подраздел анализирует одно сообщество, которое представляет весьма разнородную группу; среди них есть вегетарианцы и не-вегетарианцы, но в целом патели, как и абсолютное большинство кастовых индийцев, стремятся к бракам внутри своего сообщества. То, как линии водораздела могут делить народ, свидетельствуют подразделы «Не такие как мы: далиты», «Ни мы, ни они — пастушьи народы», «Они, не мы — мусульмане». «Низкие», формально «зарегистрированные касты», именуемые иногда также «неприкасаемыми», составляют в Гуджарате не менее пятой части всего общества. Обозначенные Амбедкарсом *далитами*, «угнетенными», и *харид-*

жанами, «рожденными Хари», то есть богом Вишну, М. К. Ганди, эти сообщества до сих пор находятся во многом на периферии социального пространства и испытывают множество трудностей и ограничений в своей жизни. Особые сообщества как в пространственном, так и в профессиональном смысле представляют номадические скотоводческие группы Западной Индии; особенно много их в ареале Катч. Наконец, среди гуджаратцев насчитывается примерно 10% мусульман, разделенных на десятки сообществ. Однако все эти сообщества и группы говорят на языке гуджарати или на диалектах весьма близких к этому языку; особняком здесь стоит язык каччи, который ближе к синдхи, чем к гуджарати.

Гуджаратцы разделяют ряд общих для всех жителей этой крайней западно-индийской территории социальных и культурных черт, сближающих людей, делающих их в какой-то мере единой общей семьей. В конце раскинутого Салилом Трипатхи «вее-ра» делений гуджаратцев автор задается вопросом — «а кто же оставшиеся, собственно, мы?» И для этого, как оказывается, нужно выявить несколько других факторов, например такой,

«где мы живем». Здесь речь идет о гуджаратцах во всех северо-западных городах, и прежде всего пространстве Бомбея (Мумбаи), Ахмедабада, Сурата, Бароды (Вадодры), но, конечно, и в малых городах, и особенно в деревнях и в целом в сельской местности.

Следующие семь разделов построены по принципу ответов на вопрос «Как мы...» — делаем то-то и то-то: «зарабатываем», «занимаемся политикой», «творим», «делаем добро и молимся», «едим», «играем», «убиваем». На множестве конкретных примеров автор описывает типичные способы социального действия, а также выявляет ряд общих, независящих ни от касты, ни от класса черты и признаки «вообще гуджаратцев». Тем не менее показывается и значительная условность каждого из типов поведения: в одних случаях «срабатывает» этика торговцев, в другом верх берет исторически сложившееся обстоятельство, закрепившееся в нарративе, в третьем очевиден индивидуальный образец, ставший распространенным. Этническое начало оказывается своеобразной мозаикой, единство которой вроде бы кажется очевидным с определенного ракурса, но легко распадается при перемене точки

зрения. В эпилоге автор рассказывает историю межконфессионального брака девушки из индуистской и юноши из мусульманской семей. Молодые люди, понимая сложность таких браков и возможную трудность в убеждении своих семей, встречались в течение девяти лет, и, только убедив свои семьи в крепости их чувств и в прочности совершаемого ими союза, они поженились. Салил Трипатхи завершает книгу признанием того, что подобный брак является образцом того, как может и должно быть в нормальном обществе.

Судип Чакраварти — автор книги о бенгальцах, одном из крупнейших народов мира, живет в Гоа. Он эксперт по преодолению конфликтов, решению споров, по бизнесу и правам человека, по политической экономике, а также пишет романы, рассказы, эссе и книги в жанре нон-фикшн. Его книга «Бенгальцы»¹⁶ разделена на три главы: «Утило — Генезис и происхождение», «Шоббхотта — Ошоббхотта — Культурные хроники народа» и «Огни юг — Век огня, конфликты и беспокойства новейшего времени и сегодняшней ситуации».

Речь соответственно идет о мифологическом и историческом прошлом, об этнографических особенностях бенгальцев и о периоде модерна со всеми его трансформациями.

Обозначенная автором в прологе и подытоженная в эпилоге, главная тема книги связана с осознанием вопроса «Кто мы?» и необходимостью определить те обычно размытые, разлитые качества и признаки. Это неотвратимо может привести к упрощению и даже ошибочному «присвоению» того или иного элемента или фигуры, однако позволяет ограничить подчас призрачное и распадающееся на части единство этнической нации. Такие представления, как «наш Робиндронатх», *обангали*, доминирование бенгальцев во всех интеллектуальных сферах Индии (что подтверждается наличием нескольких нобелевских лауреатов-бенгальцев) и ряд повседневных пристрастий, составляют существенную часть образов «бенгальского мира».

В таких подразделах книги, как «Мать: эдипов комплекс», «Игры, в которые мы играем», «Истории о путешествиях», «Есть и жить», «Дома и в мире», анализируются многие считающиеся типичными бенгальские особенности, та-

¹⁶ Chakravarti, S. (2017) *The Bengalis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.

кие как чрезмерная привязанность сыновей к матерям и доминирование последних, бенгальское «преувеличенное самосознание», интерес к политике при доминировании «левой» повестки, свободомыслие и склонность к революции, феномен бенгальского интеллектуального кино. Так же, как и в книге Салила Трипатхи о гуджаратцах, Судип Чакраварти отмечает противоречия: красота высокоразвитой гуманистической традиции и уродство политической сегрегации, ознаменовавшейся всеми ужасами Раздела.

Отдельный и непростой вопрос, к которому обращается автор, связан с представлениями о «своем пространстве» у бенгальцев, с его конкретным географическим положением, со стремлением выявить, где оно начинается и где заканчивается, и как ландшафты влияют на особенности национального характера. Здесь любопытна понятная только бенгальцам аббревиатура «Ди–Пу–Да–Ша», маркирующая четыре излюбленных бенгальцами места отдыха, куда все, особенно жители Калькутты, стремятся время от времени «убежать»: Дигха (ближайшее морское побережье с его пляжами), Пури (священный город в штате Орисса

с храмом «божественной троицы» — Джаганнатха, Балабахдры и Субхадры), Дарджилинг (горная станция, район знаменитых чайных плантаций) и Шантиникетан (сформированный вокруг университета Вишва-Бхарати, созданного Рабиндранатом Тагором, ныне включенный в список ЮНЕСКО). Однако этим «бенгальское культурное пространство» ни в коей мере не исчерпывается; Судип Чакраварти напоминает нам о знаменитых романах выдающегося писателя Амитабха Гхоша (“See of Poppy” — «Море мака», “Hungry tide” — «Голодный прилив» и др.), посвященных весьма своеобразной территории Сундербана, морской опиумной торговле с Китаем и в целом морским связям Бенгалии с миром. Прибрежная пограничная зона Бенгальского залива, пространство приливов и отливов, оказывается местом смешения людей и областью, где формируется особая идентичность.

Описание бенгальского характера идет с опорой на несколько распространенных стереотипов, которые можно даже назвать своего рода «одержимостями»: прежде всего это *адда* — места встреч и разговоров, начиная с утренних точек около открытых чайных лавок

на тротуарах и заканчивая закрытыми элитарными клубами, а также любовь к чтению — бенгальцы известны как чрезвычайно читающая нация, в которой любовь к книгам проявляется на всех социальных уровнях и даже распространена среди клерков. Два известных кулинарных пристрастия бенгальцев — рыба, ее покупка и готовка, и любовь к сладостям, — разумеется, тоже нашли место среди описания этнокультурных стереотипов.

В отличие от аналитического взгляда Салила Трипатхи, стремящегося показать многосоставность гуджаратцев, при определенной связанности различных сообществ (созданная им картина может быть уподоблена «розе ветров»), Судип Чакраварти рисует Бенгалию и бенгальцев во многом поэтически, романтически, обращает внимание на местную природную красоту, связанную, в частности, с обилием рек и запруд (*пхукур*), выражающуюся в утренних туманах и тончайшей многообразной градации зеленого цвета, называемого в бенгальской речи по оттенкам растений, различающей цвета листьев манго, бамбука, хлебного дерева, гуавы, стручков чили и т. д. Нужно сказать, как в отношении Бенгалии, так и Гуд-

жарата, стоило бы обратить внимание на историю и особенности богатейшего и разнообразного текстиля — одну из важнейших сфер занятости значительной части населения, товар, идущий на экспорт, составляющий весомую часть дохода этих штатов. Бенгальский муслин, батик, ткани с вышивкой кантха, гуджаратский аджрак и многое, многое другое — культурное наследие этих двух историко-культурных ареалов, имеющих выход к морю и ведущих торговлю с другими странами мира с глубокой древности. Зато в книге Сангиты Баруа Пишароти «Ассамцы»¹⁷ традиционный текстиль, прежде всего ткани из нетутового шелкопряда, эри и муга, занимают особое место, на них автор обращает пристальное внимание, как и на ряд других культурных артефактов, характеризующих ассамскую культуру. Женский комплект одежды, *мекхела-садер* (юбка, обычно сшитая как цилиндр, и шаль, которой покрывается верхняя часть туловища), имеет своеобразный декор, но в настоящее время драпируется таким образом, что напоминает классическое и распространен-

¹⁷ Barooah Pisharoty, S. (2023) *The Assamese: A Portrait of a Community*. New Delhi: India, Aleph Book Company.

ное в большинстве культурных ареалов Индии сари. Однако уникальность технологии производства, тканые узоры и оттенки тканей (особенно бежево-золотистый, с красным орнаментом) делают ассамскую одежду узнаваемой и в определенной мере единообразной.

Как и в других книгах данной серии, первые главы посвящены вопросу ассамской идентичности (глава «*Thohua — Khilonjia — Na Ahomiya: Assamese*») и историческому обзору («*Pragjyotisa — Kamrup, Asham — Axom — Assam: Что в имени?*», «*Axur — Danab — Mlechha, Roja — Moharoja — Swargadeo: Правители Ассама*»).

Сангита Баруа Пишароти обращает внимание на то, что британцы и бенгалцы были двигателями прогресса, творцами современности и долгое время доминировали в области управления, образования и культуры Ассама. Автор подчеркивает особость ассамцев, их культурные и социальные отличия от всех соседних народов, в частности это привязанность к своей земле, к дому: «первое поколение ассамской интеллигенции отправлялось в Калькутту (первое высшее образовательное заведение — Cotton college — был открыт в Ассаме, в Гуваха-

ти, в 1901 г.), чтобы получить образование, а затем вернуться домой» (Barooah Pisharoty 2023: xxiii). Собственный дом с садом, *xakoni bari*, в котором растут травы, используемые для приготовления еды, и прудом, *pukhari*, в котором водится рыба, — идеальное пространство и предел желаемого.

Глубоким символизмом обладает главная водная артерия всего штата Ассам, река Брахмапутра, носящая несколько названий на разных территориях на протяжении своего течения; культурные смыслы, связанные с этой рекой, анализируются в главе «*Ti — Loa — Aanoi — Abung — Bulung Butur, Lauhitya — Luit — Brahmaputra: Красная река в ассамской жизни*». Единство ассамцев демонстрируют наличие литературного ассамского языка, формирование которого анализируется в специальной главе («*'Sily Siken' and 'X' factor: The History of Assamese Language*»), и развивающаяся литература («*Gadya — Padya — Sutipulpo: современная ассамская литература*»). При этом песни Бхупена Хазарики стали настолько распространены и популярны, что также могут считаться символом Ассама, как и народные песни и танцы, связанные с праздником Биху, и так называемые мобильные театры,

особенно популярные в 1970–1980-е годы, предтеча современной популярной культуры.

Главы книги посвящены различным сферам культуры и показывают ассамскую этнокультурную специфику: «Puja — Patol, Naam — Prohongo: ассамские народные и религиозные верования», «Khaag — Khorisa, Lai — Lopha, Maas — Kaso, Naah — Pargo: ассамская кухня», «Kaah — Pitol, Da — Kuthar, Dola — Khorahi: ассамское ремесло», «Eri — Muga — Paat — Korahi — Keru Moni: ассамское ткачество и украшения», «Xur — Taal, Naas — Gaan: ассамская музыка и танец», «Naat — Kotha — Bulsobi: ассамское кино и драма», «Sanchipaata — Tulapaata, Chitrakala — Bhaskarjya: ассамское изобразительное искусство». Автор подчеркивает важность культуры *sampr* — своего рода монастырских центров, связанных с реформированным Шанкардевом (XIV–XV вв.) культа Кришны и ставших основополагающими точками притяжения и генераторами социальных перемен, здесь сформировалась высокая исполнительская культура, дошедшая до наших дней. При этом весьма существенную роль играют и мазахары, суфийские гробницы, которые окружены почтением

со стороны не только местных мусульман, но и индуистов, и представителей племенных сообществ. Последняя же глава книги «Ассамцы» погружает читателей в мир организации управления современного штата Ассам: «Jatitabadi — Rajniti: ассамские политики».

Иначе построена книга Нирмалы Лакшман «Тамилы» (Lakshman 2025): она основана на излагаемой автором гражданской и культурной истории, которая, по ее мнению, прежде всего и сформировала тамильский народ. Не случайным представляется деление этой работы на пять книг — можно предположить, это навеяно известным представлением о пяти географических и ландшафтных пространствах Тамилнада. Книги называются «эпохами» и маркируют важнейшие исторические вехи: Век поэзии (литература как история героев и царей), Век империи (Паллавы, Пандья, Чола), Век перемен (султаны Мадурай, цари Виджаянагара), Век европейцев (купцы колонизации, христианство, от Компании к Империи) и Век свободы (путь к свободе). Примечательно, что автор выделяет правителей как основных агентов власти, двигающих ход истории; тамильский же этос наиболее ярко проявлен в художе-

ственной литературе, которая оказывается основным пространством формирования этнической идентичности.

Сравнивая материал всех вышедших в данной серии книг, можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, во всех работах хорошо показано, что весьма значительную роль при построении всякого этнонационального образа занимает художественное воображение. Неслучайно творчество поэтов и писателей оказывается существенным импульсом для формирования всякой национальной культуры. Так, фигура Рабиндраната Тагора неотделима от бенгальской культуры, а поэт Кувемпу стал символом языка и литературы каннада, да и в целом культуры Карнатаки. Нирмала Лакшман строит свое повествование о тамилах, начиная с древне-тамильской поэзии эпохи сангам (III в. до н.э.—III в. н.э.), с представлений о литературе как формирующей и даже предопределяющей историю и отражающей географию. Литературное происхождение образа «страны гуджаров» показывает и Салил Трипатхи, причем одним из важнейших поэтов здесь оказывается Вали Мохаммед Вали, родившийся в 1667 году в Аурангабаде, сочинявший в основном газе-

ли (строфы) и воспевший Гуджарат в поэме «Дар Фирак-е Гуджарат».

Во-вторых, повествование о каждом из крупных народов Индии ясно демонстрирует известную особенность всякой нации (как этнической, так и политической) быть амальгамой множества групп и, таким образом, «воображаемым сообществом»: его реальность одновременно и очевидна, и призрачна, и относительна. Так, в книге Салила Трипатхи подмечено, что «гуджаратец не называет себя гуджаратцем. Часто он говорит о более конкретной своей идентичности. Гуджарати — идентичность, которая дается ему со стороны <...> она включает адиваси, катхиявари, каччи и многих других» (Tripathi 62). Гуджаратцы — это и разные мусульманские группы, и парсы, хотя их особенность часто заставляет другие сообщества Гуджарата воспринимать их как «чужих». Однако их язык и многие их обычаи свидетельствуют: они — местные; их история здесь насчитывает столетия. Салил Трипатхи избирает наиболее инклюзивную модель: гуджаратцами являются не только местные мусульманские сообщества (бохра, кходжа, мемон, мийя и многие другие, историк Сатиш Мишра в 1960 году

выявил 69 различных мусульманских групп, проживающих в Гуджарате), но и парсы, и сидди — потомки переселенцев из Африки (многие из них также мусульмане), и джайны, и целый ряд пастушьих народов. Крупные народы в значительной степени рассечены сеткой социальных идентичностей. Перечисляя культурные артефакты Бенгалии и бенгальцев, Судип Чакраварти пишет, среди прочего, о «нашем чхау» — танцевальной традиции, распространенной в районе Пурулиа штата Западная Бенгалия, а также в районах Серайкела Джаркханда и Майюрбхандж Одиши. Нужно сказать, что практикуют чхау при этом не собственно бенгальцы, а сообщества курми, махато (племенные и полуплеменные группы плато Чхота-Нагпур) и разные ория-язычные группы, серьезно отличающиеся от бенгальцев. Однако административная принадлежность района Пурулиа штату Западная Бенгалия работает над аккумуляцией этой традиции — по крайней мере в той форме, в какой она практикуется в Пурулиа — в бенгальское культурное наследие.

Наконец, в-третьих, углубление в какую бы то ни было деталь, характеризующую любой народ, неизбежно выво-

дит нас за пределы этого народа, а часто и культурного ареала, показывает связь с другими народами, территориями и культурами. Таким образом, пристальное изучение самобытности всякого общества проявляет взаимосвязанность и взаимозависимость разных сообществ и групп, сложную и подвижную структуру этнических культур, которые в ходе исторического процесса легко меняют свои контуры и конфигурацию.

Библиография / References

- Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
- Гачев Г.Д.* Образы Индии (опыт экзистенциальной культурологии). М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1993.
- Ланьков А.Н.* Быть корейцем... М.: АСТ, 2006. EDN: QPCENT
- Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: АСТ, 2019. EDN: TNLPRW
- Мещеряков В.Н.* Terra Nipponica. Среда обитания и среда воображения. М.: Лингвистика, 2022.
- Мещеряков В.Н.* Статья японцем. Топография тела и его приключения. М.: Лингвистика, 2024.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Евро-

- пы. Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI — начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.
- Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999.
- Овчинников В. В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел. М.: АСТ, 2011.
- Сидорова С. Е. [Рец.]: O'Brien Barry. The Anglo-Indians. A Portrait of a Community. New Delhi: Aleph, 2022. 538 p. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 4. С. 145–155. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-145-155, EDN: BTHNHI
- Barooah Pisharoty, S. (2023) *The Assamese: A Portrait of a Community*. New Delhi, India, Aleph Book Company.
- Chakravarti, S. (2017) *The Bengalis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.
- Fox, K. (2004) *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton.
- Hooper, J. (2016) *The Italians*. London: Penguin Books.
- Lakshman, N. (2025) *The Tamils. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.
- O'Brien, B. (2022) *The Anglo-Indians: A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.
- Paxman, J. (2007) *The English*. London: Penguin.
- Tripathi, S. (2024) *The Gujaratis. A Portrait of a Community*. New Delhi: Aleph Book Company.